

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Исторический факультет
Научно-исследовательский институт археологии им. К. А. Акишева

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ В АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию
со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева
22-24 апреля 2014 г. Астана

Астана 2014

УДК 902 (063)

ББК 63.4

Д 44

Главный редактор: Садыков Т. С.

Ответственный редактор: Хабдулина М. К.

Редакционная коллегия:

Билялова Г. Д., Сакенов С. К., Свиридов А. Н.,
Оразбаева З. Б., Тлеугабулов Д. Т., Ярыгин С. А.

Д 44 Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана, 2014. Издательство «Сарыарка» – 736 с.

ISBN 978-601-277-168-8

Сборник содержит материалы международной научной конференции «Диалог культур Евразии в археологии Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Казахской ССР, Лауреата Государственной премии Казахской ССР, член-корреспондента Германского Археологического института, Почетного работника образования Республики Казахстан, ученого, занесенного в Золотую книгу почета Казахской ССР – Кималья Акишевича Акишева, чьи труды вошли в золотой фонд евразийской археологии. В докладах конференции представлены научные направления, которые разрабатывал К. А. Акишев, и результаты изучения новых археологических памятников, раскрывающих многообразную палитру историко-культурных древностей евразийского пространства.

В сборник включены воспоминания коллег и учеников К. А. Акишева, биографические сведения, список научных трудов и хроника экспедиционных работ. Издание ориентировано на археологов, историков, этнологов, студентов гуманитарных направлений.

УДК 902 (063)

ББК 63.4

ISBN 978-601-277-168-8

© Авторы статей, 2014
© НИИ археологии им. К.А. Акишева
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014
© Издательство «Сарыарка», 2014

ТАМГИ-ПЕТРОГЛИФЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА (ОПЫТ ТИПОЛОГИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗНАКОВ)

С недавнего времени удостоверительные знаки (тамги) средневековых кочевников Казахстана стали объектом специального изучения многих отечественных историков и археологов (Досымбаева, 2006; Самашев и др., 2010; Samashev, Bazytkhan, 2010). Сегодня обзор новейшей литературы на данную тему может занять немало страниц.

Отправной точкой углубленного интереса автора к рунической эпиграфике и родоплеменным знакам тюркской эпохи послужило ознакомление в 2007 г., а затем самостоятельное обследование наскальных изображений долины Актерек в Заилийском Алатау, где в конце 1980-х проводила свои исследования Семиреченская археологическая экспедиция под руководством К. А. Акишева. Помимо раскопок захоронений, сотрудниками экспедиции тогда же обследовались петроглифы ущелья, среди которых обнаружена серия тамг разного вида (Мирзабаев, 1990, с. 137-140). Дальнейший наш поиск в Актереке позволил дополнить эту серию новыми находками знаков и короткой рунической надписи, которые стали прологом к открытию в 2007–2012 гг. около десяти неизвестных ранее памятников тюркской эпиграфики и сотен новых образцов знаков-тамг, локализованных в Чу-Илийском междуречье, Каратау и на юге Алтая (Рогожинский, 2010б). Комплексное изучение памятников кочевой культуры сопровождалось целенаправленным выявлением и документированием разновременных тамг, что позволило сформировать солидный банк данных этого вида источников и перейти к обобщению накопленных материалов (Рогожинский, 2012, с. 137-140; Он же, 2013). Таким образом, в основу статьи положены собранные и систематизированные автором материалы многолетних полевых исследований памятников Семиречья, Южного и Восточного Казахстана.

Удостоверительные (родоплеменные, династийные) знаки средневековых кочевников Казахстана и Центральной Азии известны по археологическим источникам нескольких категорий и представлены: 1) на монетах вассальных среднеазиатских владений, Чуйской и Таласской долин; 2) на предметах воинского снаряжения и престижных изделиях (дорогая посуда, печати и пр.); 3) на монументальных памятниках мемориального назначения (стелы, поминальные ограды, балбалы, надгробия); 4) на открытых скалах наряду с современными им петроглифами и эпиграфикой. Ценным видом источников

являются также письменные памятники, содержащие графические воспроизведения удостоверительных знаков тюркских племен и сведения о расселении средневековых кочевников («Танхуйяо», Махмуд Кашгари, Рашид ад-Дин). В этом перечне тамги-петроглифы, как недвижимые археологические объекты, обладают рядом преимуществ: они аутентичны, наиболее многочисленны, географически широко распространены, разнообразны, сопряжены в контексте с иными памятниками археологии, эпиграфики, и поэтому потенциально являются наиболее информативным ресурсом по многим проблемам средневековой истории тюркских народов региона.

Методика исследований. Практика современных исследований тамг-петроглифов развивается в рамках комплексного подхода, основанного на изучении памятников наскального искусства как разновидности реликтовых культурных (палеокультурных, по: Кулешова, 2008) ландшафтов, в которых наскальные знаки-тамги участвуют наряду с другими объектами (петроглифы, камнеписные тексты, стоянки, могильники, мемориальные сооружения, остатки традиционных коммуникаций и др.) в организации освоенного человеком той эпохи природного пространства (Рогожинский, 2011a). Такое понимание роли и места тамг-петроглифов в социокультурной жизни кочевого общества определяет приемы их документирования и анализа. Корреляция результатов изучения тамг с данными археологии, эпиграфики, нумизматики и письменных памятников открывает широкие возможности для этнокультурной идентификации знаков и использования их как исторического источника.

Одним из основных методов исследования выступает картирование тамг-петроглифов в составе отдельных местонахождений, а также в масштабе регионального распространения выделенных групп знаков. В первом случае удастся выявить определенные закономерности в расположении тамг-петроглифов относительно других объектов вмещающего культурного ландшафта (единовременных скоплений петроглифов, стоянок и др.) и вместе с этим выделить несколько разновидностей их местонахождений. Региональное картирование рисует картину территориального распространения разных типов тамг и позволяет определить ареалы устойчиво сочетающихся групп знаков (рис. 2), этнокультурная идентификация и историческая интерпретация которых осуществляются на базе дополнительных источников – письменных свидетельств, нумизматики, эпиграфики и др.

Идентификация средневековых тамг-петроглифов предусматривает, прежде всего, отделение их от почти столь же многочисленных и разнообразных клановых знаков кочевников Нового времени (ойратов, казахов, кыргызов), поэтому первоочередной задачей исследования является «узнавание» в конкретном историко-географическом пространстве удостоверительных знаков номадов, осваивавших в различные времена одни и те же горно-степные ландшафты. Изучение традиций тамгопользования кочевых народов Нового

времени по данным археологии, этнографии и письменных источников позволяет экстраполировать некоторые результаты на карту распространения средневековых тамг-петроглифов. Так, изучение тамгопользования казахов Семиречья второй половины XIX – начала XX в. раскрывает исторические условия сложения практики массового создания на скалах вблизи зимовок родоплеменных знаков и автографических текстов (Рогожинский, 2011б, с. 174-175). Наконец, выявление сопутствующего средневековым тамгам-петроглифам эпиграфического и изобразительного комплекса помогает в ряде случаев определить относительную датировку разных групп знаков.

Типология памятников. На сегодняшний день в Казахстане зафиксировано около 150 местонахождений средневековых тамг-петроглифов, насчитывающих в общей сложности более 300 отдельных изображений знаков разного вида, в ряде случаев образующих собрания тамг или т.н. «энциклопедии». Выделяется 36 основных типов знаков-тамг, некоторые из которых имеют несколько производных вариантов; отдельную категорию составляют редкие знаки, зафиксированные в единичных случаях (рис. 1). Более половины каталогизированных местонахождений расположены в Семиречье, преимущественно в наиболее изученной западной части этого региона – в Чу-Илийском междуречье, включающем северо-западные предгорья Заилийского Алатау, горы Киндыктас, а также южные и центральные районы Чу-Илийских гор. В меньшей мере систематическим поиском охвачены другие области Казахстана. Совокупная коллекция тамг-петроглифов Прииртышья (Тарбагатай), Сарыарки, Присырдарьинского Каратау, Мангыстау, а также восточной части Семиречья (Джунгарский Алатау, Кетмень) сегодня включает всего 160 знаков из 52 местонахождений.

Новейшими исследованиями выявлены следующие основные виды местонахождений знаков-тамг средневековых кочевников: 1) на мемориальных объектах; 2) собрания тамг – «энциклопедии» («тамгалытас»); 3) в составе обособленных скоплений петроглифов – т. н. «святылиц»; 4) вблизи стационарных стоянок-зимовок кочевников.

1. Тамги на мемориальных объектах встречаются редко, но при условии их аутентичности являются важным индикатором этнокультурной принадлежности самих мемориалов. В Западном Семиречье тамгообразные знаки на древнетюркских памятниках зафиксированы в трех пунктах: в Кулжабасы и Когалы – на трех лицевых стелах (Рогожинский, 2012, с. 93, рис. 4), в Жайсане – на стеле и каменном изваянии (Досымбаева, 2006, с. 27, 32, рис. 3, 9, 9а). Во всех случаях памятники представляют собой каменные ритуальные ограды со стелами и изваяниями, установленными внутри и/или снаружи с восточной стороны. Еще одно местонахождение обнаружено недавно в северо-восточной части Сарыарки, на мемориальном комплексе Косбатыр, в долине р. Кумай; здесь тамга нанесена на внешней стороне ритуальной ограды,

с востока, где установлено мужское изваяние с оружием (Досымбаева, Нускабай, 2012, с. 65-67, рис. 19, фото 20).

2. Скопления разнотипных тамг или знаков одного типа, существенно отличающихся дополнительными графическими элементами, обладают особой ценностью как источники, поскольку позволяют синхронизировать или установить относительный возраст и последовательность создания тамг, а также объединить в группы соответствующие знаки-петроглифы, дискретно присутствующие в едином историко-географическом пространстве. Собрания тамг встречаются как среди обособленных скоплений одновременных петроглифов, так и на скалах вблизи стоянок кочевников, но при этом на всем пространстве центральноазиатских степей скопления родоплеменных знаков известны также как особый вид памятников, получивший в тюркоязычной части региона общее наименование «тамгалытас»/«тамгалыташ».

3. Отличительной чертой средневековых знаков-тамг является присутствие их в составе обособленных скоплений наскальных рисунков, не связанных топографически с другими археологическими объектами (стоянками, могильниками и т.п.); такие местонахождения петроглифов обычно интерпретируются исследователями как тюркские «святилища». Как правило, на них представлены батальные сюжеты с изображениями конных или пеших воинов, знаменосцев, сцен облавной охоты и некоторые другие «престижные» сюжеты, – например, повозки крытого типа (Тамгалы, Кулжабасы, Каракыр, Желдебе). Редко, но только в контексте этих местонахождений, встречаются композиции с изображениями тамг на скаковых и других животных (Кулжабасы, Когалы в Чу-Илийских горах; Ешкиольмес в Джунгарском Алатау). Ценность таких гравюр особенно высока, поскольку они помогают установить связь некоторых типов родоплеменных тамг, как этнокультурных маркеров, с определенными сериями петроглифов, обладающими отличительными сюжетно-стилистическими признаками в рамках единой изобразительной традиции средневековых кочевников.

4. Наиболее часто тамги-петроглифы встречаются на поверхностях скал, близ которых находятся остатки разновременных стоянок, включающих в известных случаях средневековые материалы. Как и казахские родовые знаки XIX – начала XX в., тамги-петроглифы тюркской эпохи обычно хорошо заметны на местности, нередко располагаясь непосредственно над руинами стоянок или маркируя в ландшафте наиболее удобные подходы к ним. Именно вблизи стоянок зафиксированы, например, более половины из числа известных в Семиречье и Восточном Казахстане памятников тюркской рунической эпиграфики (Рогожинский, 2010б, с. 330–335). Некоторые тексты изучены специалистами и по содержанию являются «своего рода памятниками обычного права кочевников», удостоверявшими «право на постоянное или преимущественное пользование зимниками» (Кляшторный, 2004, с. 172;

он же, 2012, с. 64–66) наряду с родоплеменными или семейно-личными тамгами-петроглифами.

Тамги-петроглифы у стоянок – самая многочисленная разновидность памятников, фиксирующих в географическом пространстве территории распространения достоверительных знаков разного облика, за которыми следует предполагать ареалы расселения разных групп средневековых кочевников. Знаки, маркирующие места стационарных стоянок, вместе с тамгами на мемориальных объектах обладают наибольшей степенью информативности при изучении вопросов землепользования, территориального расселения и дальних передвижений тюркских кочевников.

Идентификация тамг. Проблема идентификации знаков-тамг – определения хронологической и этнокультурной принадлежности – является на сегодняшний день наиболее сложной частью исследования. Многовековая традиция тамгопользования кочевников в наибольшей полноте, безусловно, запечатлена на скалах и монументах. Только для позднейших периодов ее существования появляется возможность привлечения в большем количестве дополнительных письменных и этнографических источников, которые убеждают, что систематическое создание тамг-петроглифов обусловлено в каждый исторический момент определенным кругом объективных причин и мотиваций.

Специальное изучение родоплеменных знаков казахов Старшего жуза (Ерофеева и др., 2008, с. 123-125, рис. 50; Рогожинский, 2010а, с. 101-127) позволило установить, что период массового создания вблизи зимовок тамг-петроглифов и «автографов» владельцев совпадает в западной части Семиречья с обострением в 1868-1900-е гг. «земельного голода», вызванного административным принуждением кочевников пользоваться строго ограниченными территориями, а также увеличением объема земель, отведенных для оседло-земледельческого и промышленного освоения края. Картирование казахских тамг-петроглифов выявило совпадение их местонахождения с внешними административными границами кочевых волостей Верненского уезда, состоявших в основном из разных родов дулатов, шапырашты и сарыулынов; показательно, что на внутренних территориях бывших волостей тамги на скалах близ зимовок встречаются реже. В целом, сделанные наблюдения могут быть экстраполированы на карту распространения средневековых тамг-петроглифов Семиречья.

Не все тамги, которые можно отнести к средневековой эпохе, создавались на скалах одновременно. В Чу-Илийском междуречье удастся выделить группу знаков, доминирующих в количественном отношении и выступающих по отношению друг к другу в некой иерархии, наблюдаемой в собраниях тамг. Среди них есть два вида особенно часто встречающихся тамг: в виде извивающейся змеи (№ 1) и знак, напоминающий в основе греческую «омегу»

(№ 3), со многими сыновними его вариантами (рис. 2, 1-4). Иногда оба знака выступают самостоятельно, иногда вместе, причем «ранг» тамги-змеи часто меняется: то она доминирует, то изображается рядом или ниже омегообразного знака; положение знаков также изменяется по часам. Тамга-змея в ряде случаев изображается с другими знаками; омегообразная тамга во всех своих вариантах сочетается чаще всего с тамгой-змеей. Среди исключений важно отметить сочетание знака-«омеги» с тамгой-«косалеп» на скале возле одной стоянки в долине Актерек, которая может уверенно идентифицироваться как общеплеменной символ средневековых кыпчаков. Знаки размещены рядом, на одном уровне, идентичны по цвету патины, технике выбивки, и нет сомнений в их одновременности. Этот пример может указывать на относительно позднюю датировку омегообразной тамги, что, как будто, подтверждается имеющимися датированными находками из Южной Сибири (Туяхта, Шестаки II; Кызласов, 2000, с. 83-90, рис. 1, 3; Кузнецов, 2006, с. 15-25, рис. 2, 3, 4), но противоречит предполагаемому другими исследователями возрасту эпиграфических текстов Кочкорской долины (Кляшторный, 2001, с. 73-75; он же, 2004, с. 172), которые сопровождаются сыновними вариантами того же знака.

По аналогии с выявленным автором ранее значением общеплеменной тамги сарыуысынов для ряда племен казахов Старшего жуза (дулат, албан, суан), составлявших ядро «юсуновского» племенного союза (Рогожинский, 2010, с. 110-116, рис. 2), можно предположить, что тамга-змея выполняла сходную функцию в некоем племенном объединении средневековых кочевников левобережья р. Или и Чу-Илийского междуречья. Именно этот район образует основной ареал обеих тамг, хотя единичные находки тех же знаков зафиксированы в петроглифах Российского и Монгольского Алтая (Кубарев, 1987, с. 11, 135, рис. 3, табл. LXVII; Кубарев и др., 2005, рис. 379; Guneri, 2011, fig. 2, 1), а омегообразная тамга – в большом количестве на Внутреннем Тянь-Шане, в Прииссыккулье и Восточной Фергане (Табалдиев и др., 2000, с. 88, рис. 1, 2; Табалдиев, Жолдошов, 2003, с. 111-136; Табалдиев, Белек, 2008, рис. 3, 2, 3, 6-15, 19, 21, 23, 26-32). Важно отметить отсутствие обеих тамг на юге Казахстана – вблизи горных стоянок кочевников в Каратау и в материалах памятников городской культуры долины Сырдарьи, что могло бы указывать на принадлежность этих знаков, например, огузам. Наконец, немаловажным является установленный факт их массового распространения в том же центральном районе Чу-Илийских гор, как и казахских тамг XIX – начала XX в. Это может также косвенно отражать обострение «земельной тесноты» и усиление межплеменной борьбы кочевников Чу-Илийского междуречья в период расцвета городской культуры в предгорьях Северного Тянь-Шаня в IX–X вв. (Савельева, 1994, с. 99-100, 115; Байпаков, 2010, с. 167-170). Приведенные данные позволяют с большим основанием датировать омегообразные тамги Западного Семиречья не ранее второй половины VIII в., а скорее даже IX–X вв., связывая их распространение с расселением карлукских племен.

Принадлежность змеевидной тамги по иконографическим параллелям и ее статусу в известных собраниях тамг заманчиво связать с клановой символикой Ашидэ, но для такого утверждения имеющихся на сегодня данных недостаточно; нет оснований и для датировки этого знака на памятниках Семиречья ранее VIII в.

Сделанные выводы находят подтверждение в замечательном собрании тамг на стеле памятника Бомбогор (сер. VIII в.) в Монголии, где наряду с неизвестными в Казахстане формами знаков присутствуют омегообразная тамга, тамга-змея и еще ряд других, многократно зафиксированных в Семиречье и в более западных районах. Рунический текст на стеле содержит упоминание племен басмылов и карлуков (Баттулга, 2005, с. 122-128; User, 2010), которым, очевидно, и принадлежали запечатленные на камне знаки.

С наибольшей уверенностью пока идентифицируются тамги-петроглифы тюргешей, хорошо известные по многочисленным монетным аналогиям (рис. 2, 5). Тамги в виде стилизованного рунического знака «ат» найдены в южной части Каратау (Боралдай), в четырех пунктах в Чу-Илийских горах, что в целом соответствует основному ареалу расселения тюргешских племен в первой половине VIII в. Нужно отметить малочисленность этих знаков-петроглифов и палеографическое разнообразие найденных изображений тюргешских тамг. Среди них опознаются несколько типов монетных знаков.

Одна из тамг Чу-Илийского междуречья (Акколь) состоит из дугообразной линии и размещенного напротив небольшого квадрата с короткими, отходящими от углов лучами. Еще две одинаковые тамги из соседней долины Котыр также состоят из дуги и квадрата, но оба элемента соединены короткой линией. Обе разновидности знака находят точные аналогии в монетном материале (Камышев, 2002, с. 92, 94), причем тамги из Котыра соответствуют варианту знака «довольно редко встречающихся в Чуйской долине тюргешских монет с нестандартным начертанием тамги», местом изготовления которых А.М. Камышев (2009, с. 294–292) считает Тараз. Ввиду малочисленности находок сложно говорить о значении выявленных отличий в изображении тюргешских тамг-петроглифов: являются ли они свидетельством изменения во времени формы династийной монограммы, и не стоит ли за появлением на правом берегу р. Чу специфического знака таразского типа коллизия «желтых» и «черных» тюргешей, и утверждение династии кара-чоров при Сулуке (716-738)? На данном этапе исследований важно то, что для Семиречья тюргешские тамги-петроглифы (в отличие от монетных эмиссий с той же символикой, осуществлявшихся до IX в., по: Камышев, 2002, с. 49-56) играют роль хронологического и этнокультурного индикатора при идентификации сопутствующих им петроглифов и стоянок. Опираясь на исторические сведения, датировка «тюргешского» комплекса тамг и петроглифов Семиречья может соответствовать, по меньшей мере, концу VII – первой половине VIII в. Соот-

ветственно появляется возможность выделить в пока недифференцированной массе средневековых петроглифов более ранние и поздние комплексы гравюр и связанных с ними знаками разного вида.

Особую ценность для выделения синхронного комплекса родоплеменных знаков и наскальных изображений представляют собрания тамг-петроглифов и случаи их стратиграфии – перекрывания знаками средневековых гравюр. Так, благодаря находкам палимпсеста в долине Котыр, где тюргешская тамга перекрывает фигуру горного барана в характерной стилистической манере (рис. 2, б), и замечательному собранию из шести разнотипных тамг с аналогичной гравюрой животного в соседней долине Акколь (рис. 2, 7), появилась возможность выстроить идентификационную цепочку, объединившую целый круг других памятников района, включая известную композицию «славы древних тюрков» (Медоев, 1979) из Ойжайляу. На том же скоплении петроглифов в Акколь, но обособленно от упомянутой «энциклопедии» тамг, встречена и тамга тюргешей. Опираясь на стратиграфические наблюдения, можно предположить «тюргешский» или более ранний, «дотюргешский», возраст выделяемой серии петроглифов и означенной группы тамг: в пределах VII в. и не позднее первой половины VIII в. Возможно, эта своеобразная группа тамг, состоящая из шести знаков, не имеющих по форме ничего общего с династийной тамгой тюргешей, относится к удостоверительным знакам какой-то другой части «десятистрельных» тюрков Семиречья. Центральное место в рассматриваемой «энциклопедии» занимает Y-образная тамга с закругленным на конце правым ответвлением. Именно эта тамга изображена среди фигур всадников-знаменосцев и прочих персонажей (рис. 2, 8-10) в уникальной композиции «славы древних тюрков» из Ойжайляу (Самашев, 2012, фото на с. 44), принадлежность которой к «дотюргешскому» комплексу петроглифов теперь становится очевидной.

Имеются еще две группы наскальных изображений тамг, идентификация которых возможна на основе сопоставления с геральдическими знаками раннесредневекового монетного комплекса Семиречья. Первая из них представлена довольно многочисленной серией гравюр в форме трезубца или трех линий-лучей, расходящихся из одной точки от небольшой окружности (№ 11/3-5). Оба варианта знака напоминают тамгу на «тухусских» монетах, эмиссия которых, по мнению специалистов, осуществлялась в городах Чуйской долины до конца VIII в. после падения Тюргешского каганата (Настич, 1989; Камышев, 2002). Наибольшая концентрация тамг-петроглифов данного вида отмечается в составе высокогорного комплекса памятников тюркского времени в Мерке (Досымбаева, 2013), а также на скалах у многих средневековых стоянок в юго-западной и центральной части Чу-Илийских гор. География тамг соответствует району расселения тухси по известным источникам (Караев, 1968).

Другая редкая группа тамг отличается своеобразной формой в виде двух соединенных дуг с сильно загнутыми концами, напоминая прописную букву «х» русского алфавита; в средней части фигуру иногда пересекает прямая линия (№ 18). Этот знак зафиксирован в Семиречье пока в трех пунктах – в горах Кетмень (Аманжолов, 1966), в Тамгалы и Мерке. Тамга имеет сходство со знаком «в виде двух полуовальных скоб, расположенных спиной друг к другу и перечеркнутых в месте соединения коротким штрихом под прямым углом», который присутствует на весьма редком типе монет с Краснореченского городища в Чуйской долине. Прочтение П. Б. Лурье (2010, с. 282-283) согдийской легенды «монета государя Хай яглакара», казалось бы, делает вероятным отождествление семиреченских тамг-петроглифов с династийным знаком известного клана тогуз-огузов, но отсутствие подобных знаков на мемориалах, установленных в честь правителей Уйгурского государства в Монголии, оставляет вопрос нерешенным.

Один из наиболее распространенных знаков (№ 4) выглядит как две развернутые друг к другу выпуклой стороной, но не соединенные дуги (полукружия). Эта тамга имеет несколько сыновних вариантов, многократно зафиксированных в Чу-Илийском междуречье и на Тарбагатае (илл. 2, 3). Одним из производных вариантов является знак (илл. 2, 4), выбитый на стенке ритуальной оградки комплекса Косбатыр (Сарыарка). В Семиречье данный тип знаков встречается в сочетании с тамгами и петроглифами «послетюргешского» комплекса, но ни разу – с омегообразной тамгой или тамгой-змеей. Возможно, тамга этого типа изображена на донце серебряного сосуда (Катанда II), на котором она образует, по определению И. Л. Кызласова (2010, с. 56-57, рис. 12, 13), второй «эпиграфический пласт» памятника (рис. 2, 1, 2).

К наиболее ранним тюркским тамгам в Семиречье можно, по-видимому, отнести знак, процарапанный на крупе лошади с всадником, и всю серию уникальных граффити, обнаруженных в Когалы (илл. 2, 10, 11). Датированные аналогии этому знаку имеются на колчане из к. 29 мог. Юстыд XII (СОАН-5914, 663-744 гг. н.э.) и на пряжке ремня из к. 9 мог. Барбургазы II (катандинский этап) (Кубарев Г. В., 2005, с. 97, 139-140, табл. 33, 15, табл. 83: 11, 12, 13, 17). К тому же кругу родоплеменных тамг алтае-телеских тюрков следует отнести знак (№ 7/7-9), встречающийся в петроглифах Монголии, Алтая, Джунгарского Алатау, Чу-Илийских гор (илл. 2, 6, 7) и Восточной Ферганы (Бололу). На Алтае датированные образцы такой тамги имеются на упомянутой пряжке из Барбургазы, а также на костяных застежках для конских пут из к. 10 мог. Уландрык I, по инвентарю и радиоуглеродной дате (СОАН-5921, 542-653 гг.) относящегося к кудыргинскому этапу (там же, с. 137-139, табл. 3, 12, 13). Однако на территории Семиречья и Ферганы тамги такого типа могут датироваться и более поздним временем.

Несомненно, для верификации сделанных предположений о возрасте и культурной принадлежности тамг-петроглифов требуются дополнитель-

ные источники, включая материалы археологических раскопок стоянок, отмеченных тамгами, наскальными гравюрами и тюркской эпиграфикой. Именно в этом видится перспектива дальнейшего изучения средневековых тамг-петроглифов Казахстана и Центральной Азии для использования столь ценного ресурса в качестве исторического источника.

Түйін

Қазақстанның ортағасырлық көшпелілерінің белгілері (тамға) біраз уақыттан бері көптеген отандық тарихшылар мен археологтардың арнайы зерттеу объектісіне арналды. Көшпелілер мәдениеті ескерткіштерінің кешенді зерттелуі әртүрлі уақыттарға сай келетін тамғалардың табылуымен байланысты болды, бұл өз кезегінде осы жөніндегі деректердің көбеюі мен жиналған материалдарды бір жерге топтастыруға мүмкіндік берді. Осылайша, мақаланың негізіне Жетісудағы, Оңтүстік және Шығыс Қазақстан ескерткіштеріне көп жылдар бойы жүргізілген далалық зерттеулердің материалдары автормен жинақталып, бір жүйеге енгізілген.

Список источников и литературы

Аманжолов А. С. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань) // Известия АН КазССР. Серия общественная. – 1966. – № 5. – С. 79-95.

Байпаков К. М., Терновая Г. А., Горячева В. Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII вв.). – Алматы, 2007.

Байпаков К. М. Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. – Алматы, 2010.

Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. - Улаанбаатар, 2005.

Досымбаева А. М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи. – Алматы, 2006.

Досымбаева А. М. Тюркское наследие Казахстана // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. – Астана, 2012. – С. 10-36.

Досымбаева А. М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – Алматы, 2013.

Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. – Астана, 2012.

Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. – Алматы, 2008.

Медоев А. Г. Гравюры на скалах: Сары Арка, Мангышлак. – Алма-Ата, 1979.

- Мирзабаев А. С. Наскальные изображения Актерека (Семиречье) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990. – С. 137-140.
- Камышев А. М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек, 2002.
- Камышев А. М. Новые археологические находки с городища Садыр-Курган // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2009. – № 1 (268). – С. 294-292.
- Караев О. К. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. – Фрунзе, 1968.
- Кляшторный С. Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2001. – № 1-2. – С. 73-75.
- Кляшторный С. Г. Древние рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). – Бишкек, 2004. – С. 169-173.
- Кляшторный С. Г. Наскальная руническая надпись из урочища Койтубек (Восточный Казахстан) // Тюркологический сборник. – Москва–Казань. – 2012. – № 1 (6). – С. 64-66.
- Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск – Улан-Батор – Юджин, 2005.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.
- Кузнецов Н. А. Средневековые монеты в памятниках верхнеобской культуры как показатель торговых связей Сибири и Семиречья в VIII–IX вв. н.э. // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2006. – Вып. 8. – С. 15-25.
- Кулешова М. Е. Палеокультурный ландшафт как феномен наследия // Наследие и современность. – М., 2008. – Вып. 16. – С. 58-102.
- Кызласов И. Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2000. – Вып. 5. – С. 83-90.
- Кызласов И. Л. Азиатские рунические надписи на пиршественных сосудах // Вопросы тюркологии. – М., 2010. – № 1. – С. 36-63.
- Лурье П. Б. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 279-284.
- Рогожинский А. Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов межд. науч. конференции. – Алматы, 2010а. – С. 101-127.

Рогожинский А. Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Сб. материалов междунауч. конференции. – Алматы, 2010б. – С. 329-344.

Рогожинский А. Е. Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ. – Алматы, 2011а. – С. 28-46.

Рогожинский А. Е. Удостоверительные знаки кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы междунауч. конф. Т. 2. – Кемерово, 2011б. – Труды САИПИ. – Вып. VIII. – С. 217-225.

Рогожинский А. Е. Петроглифы и эпиграфика // Историко-культурный атлас казахского народа. – Алматы, 2011в. – С. 171-178.

Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов международного научно-практического семинара. – Алматы, 2012. – С. 217-225.

Рогожинский А. Е. Удостоверительные знаки (тамги) и петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт комплексного изучения) // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2013. – № 3 (289). – С. 226-240.

Савельева Т. В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. – Алматы, 1994.

Самашев З. С. Графическое искусство средневековых народов Великой Степи // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. – Астана, 2012. – С. 38-81.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. – Алматы, 2010.

Табалдиев К., Бозер Р., Москалев М., Солтобаев О. Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек, 2000. – Вып. 4. – С. 87-94.

Табалдиев К., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // «Manas» Universitesi. SOSYAL BILIMLER DERGISI. – Бишкек, 2003. – Вып. 7. – С. 111-136.

Табалдиев К. Ш., Белек К. Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне). – Бишкек, 2008.

Guneri A. S. The «Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (ОТАК)» Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 264-270.

Samashev Z., Bazylkhan N. Ancient Turkic Tamga-Signs // Traditional Marking Systems. A Preliminary Survey. – London & Dover, 2010. – P. 311-329.

User H., Bömbögör Yaziti: bir Türk Kunçiyunun Mezar Taşı // Dil Araştırmaları. – 2010. – Sayı 7. – S. 61-73.

№	ТИП	ВАРИАНТЫ ТИПА
1		
2		
3		
4		
5		
6		
7		
8		
9		
10		
11		
12		
13		
14		
15		
16		
17		
18		
19		
20		
21		
22		
23		
24		
25		
26		
27		
28		
29		
30		
31		
32		
33		
34		
35		
36		
Редкие знаки		

Рис. 1. Основные типы и варианты средневековых тамг-петроглифов Казахстана и Центрального Тянь-Шаня

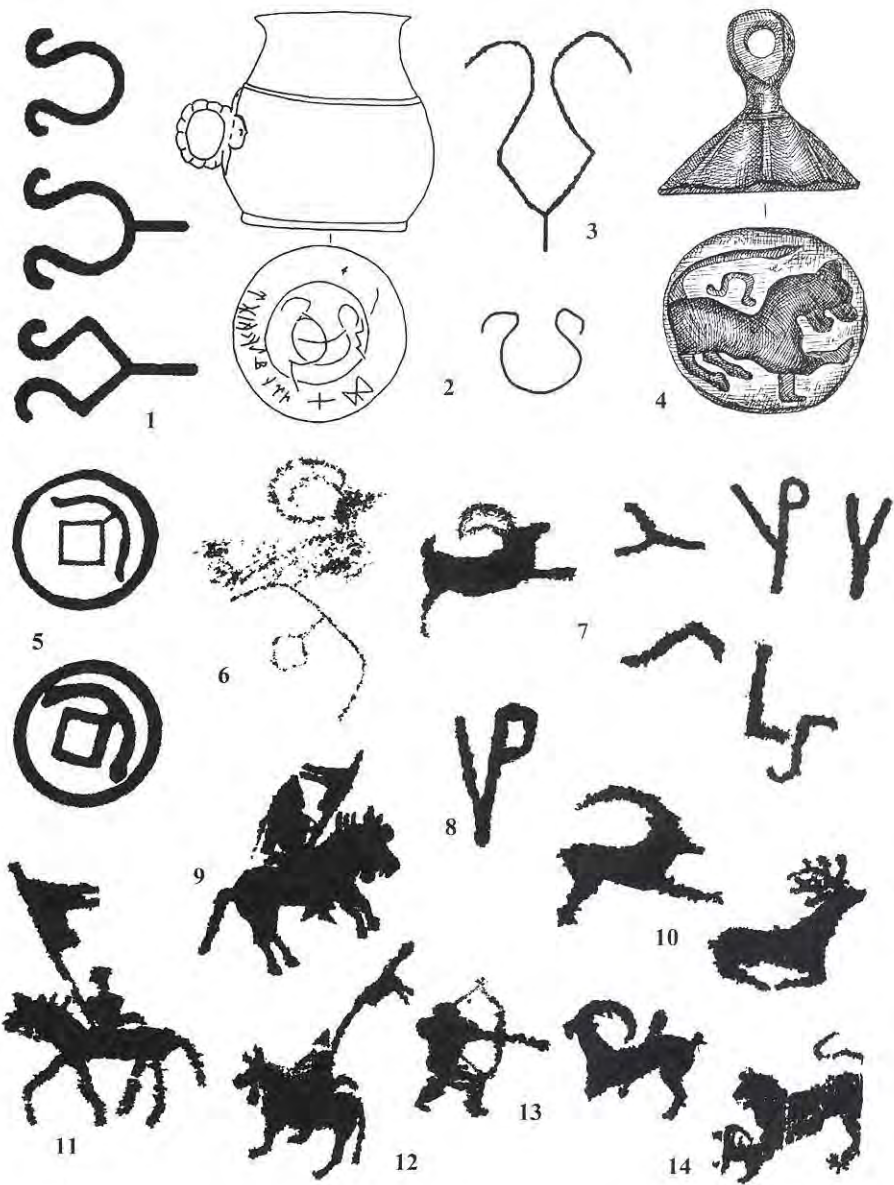
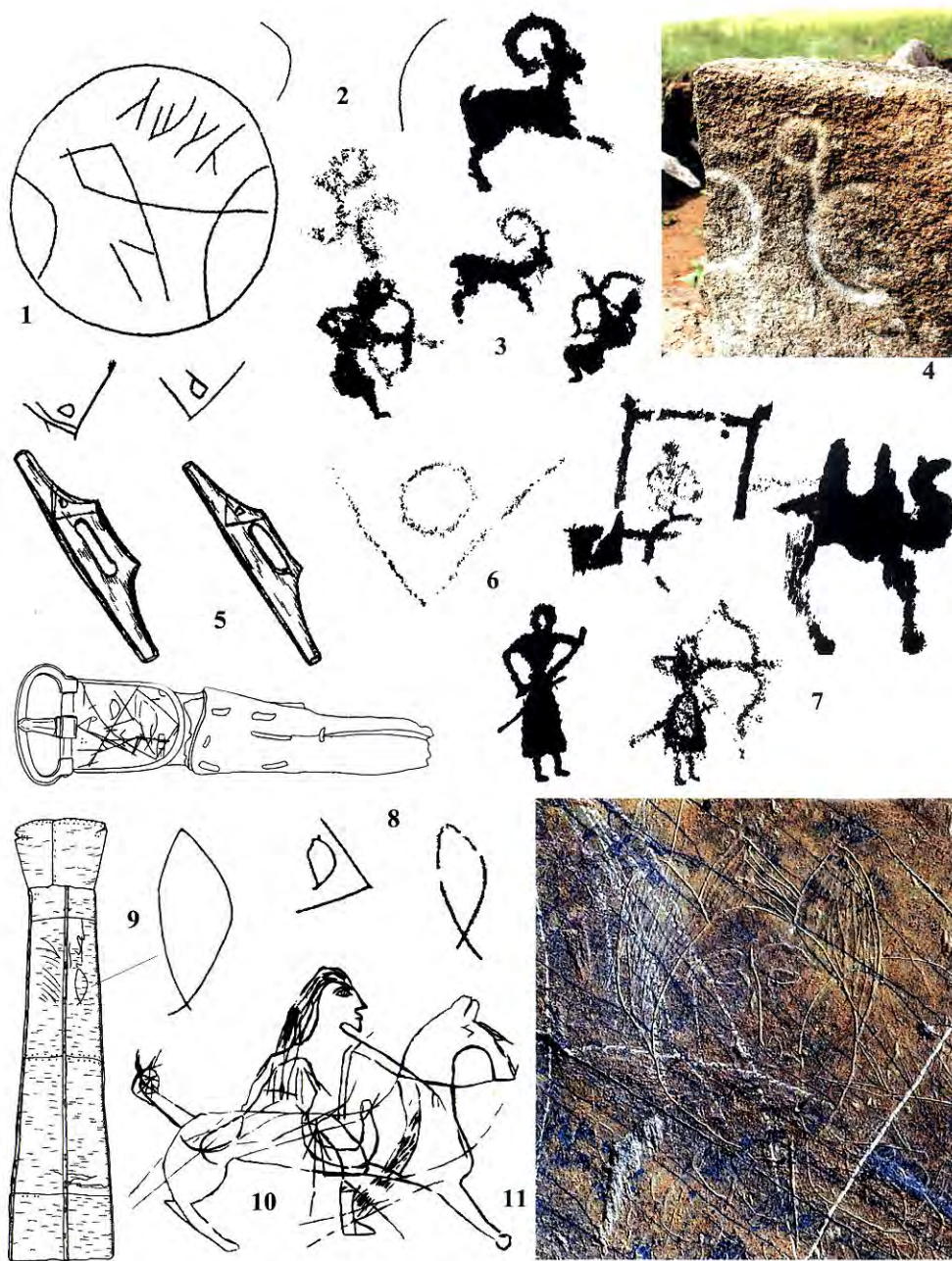

Рис.2. Тамги-петроглифы Казахстана и их аналогии. 1 – омегообразная тамга; 2 – надписи и знаки на сосуде, Туяхта (по: Кызласов, 2000); 3 – тамга на накладке лука, Шестаки II, (по: Кузнецов, 2006); 4 – бронзовая печать, Красная Речка (по: Байпаков и др., 2007); 5 – тамга тюргешей на монетах (по: Камышев, 2002); 6 – петроглифы, палимпсест, Котыр, Чу-Илийские горы; 7 – собрание тамг и изображение животного, Акколь, Чу-Илийские горы; петроглиф; 8-10 – тамга и изображения всадника и животных, Ойжайляу; 11 – знаменосец, Кулжабасы; 12-14 – петроглифы, Котыр, Чу-Илийские горы

К статье Рогожинского А. Е.
ТАМГИ-ПЕТРОГЛИФЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА
(ОПЫТ ТИПОЛОГИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗНАКОВ)

Илл. 1. Карта-схема распространения основных типов тамг-петроглифов

Илл 2. Тамги-петроглифы Казахстана и их аналогии. 1, 2 – граффити на донце сосуда, Катанда II (по: Кызласов, 2010); 3 – тамга и петроглифы, Тарбагатай; 4 – тамга на стенке ритуальной ограды, Косбатыр (по: Досымбаева, 2013); 5 – тамги на застежках для конских пут, Уландрык I (по: Кубарев Г., 2005); 6, 7 – тамга и петроглифы, Анкельды, Чу-Илийские горы; 8 – тамги на пряжке ремня, Барбургазы II (по: Кубарев Г., 2005); 9 – тамга на колчане, Юстыд XII (по: Кубарев Г., 2005); 10, 11 – петроглифы, Когалы, Чу-Илийские горы